

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S2686673025020013

EDN: IOPHFG

Стратегия США относительно соперничества великих держав

О.В. Приходько

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН),*

Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57224728612   РИНЦ ID: 626112

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9764-4096>   e-mail: o.prikhodko@iskran.ru

---

Резюме. После окончания холодной войны стратегия национальной безопасности США претерпела значительную эволюцию в доктринальных установках, которые декларировали сменявшие друг друга американские администрации. Когда во второй половине 2010-х годов провал попыток интегрировать Россию и Китай в американоцентричный миропорядок стал очевиден, в политике США возобладали конфронтационный подход в отношениях с этими государствами. Соперничество с Россией и Китаем, которые в американском политическом дискурсе именуются великими державами, во многом определяет суть стратегии США в настоящее время. Однако, как показывают внешнеполитические дискуссии, «либерал-интервенционисты» и консерваторы-прагматики существенно расходятся в том, что касается американского участия в мировых делах. Исход этого спора повлечёт за собой далеко идущие последствия для формирования стратегии США после президентских выборов 2024 года, на которых победил Д. Трамп.

Ключевые слова: великие державы, соперничество, Россия, США, Китай.

Для цитирования: Приходько О.В. Стратегия США о соперничестве великих держав. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2025; 55(2):10–24.

DOI: 10.31857/S2686673025020013

EDN: IOPHFG

U.S. Strategy on Great Power Rivalry

Oleg V. Prikhodko

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN),*

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57224728612   РИНЦ ID: 626112

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9764-4096>   e-mail: o.prikhodko@iskran.ru

---

Abstract: Since the end of the Cold War, U.S. national security strategy has undergone a remarkable evolution, judging by the policy guidelines declared by successive American administrations during this period. When the failure of attempts to integrate Russia and China into the U.S.-centric international order became obvious in the second half of the 2010s, a confrontational approach to relations with these powers prevailed in the U.S. policy. Rivalries with Russia and China, which are referred to as great powers in American political discourse, large-

ly determine the essence of U.S. strategy nowadays. However, as an unfolding foreign policy debate in the United States reveals, there is a widening discord between ‘liberal interventionists’ and pragmatic conservatives regarding U.S. involvement in world affairs. The outcome of this controversy will entail far-reaching implications for shaping the grand strategy of the United States. D. Trump’s triumph in the U.S. presidential elections in 2024 will have a profound effect on the strategic choices Washington is to make.

Key words: great powers, rivalry, Russia, United States, China.

For citation: Prikhodko O.V. U.S. Strategy on Great Power Rivalry. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2025; 55 (2): 10–24. DOI: 10.31857/S2686673025020013 EDN: IOPHFG

ВВЕДЕНИЕ

Соперничество США с великими державами пронизывает всю американскую историю. Провозглашение в 1823 году доктрины Монро явилось одной из первых попыток Вашингтона обозначить правила игры с ведущими государствами Европы, договориться с ними о распределении зон влияния в условиях относительной слабости Соединённых Штатов. Вплоть до конца XIX века США стремились избегать прямого военного конфликта с европейскими конкурентами, которые определяли мировой порядок того времени. В XX веке они отказались от изоляционизма, подтверждая вывод британского историка П. Кеннеди о «решающем влиянии производительных экономических сил как во время самой борьбы, так и в те периоды между войнами, когда неодинаковые темпы роста экономики делают державы сильнее или слабее относительно друг друга» [Kennedy P., 1987: 537].

Четверть века после окончания холодной войны явились периодом торжества американского доминирования в международных отношениях. В эти годы тема соперничества великих держав не фигурировала в публичных документах по стратегии национальной безопасности, которые были разработаны администрациями У. Клинтона, Дж. Буша-младшего и Б. Обамы. Однако и тогда противодействие укреплению потенциальных конкурентов было одним из негласных приоритетов внешней политики США.

Соперничество между государствами является неотъемлемой чертой мировой политики. На состязательный характер международных отношений указывали философы и мыслители с давних времён. Американский теоретик Г. Моргентгау замечает, что борьба государств за власть и влияние в мировых делах «универсальна во времени и пространстве, она является неоспоримым эмпирическим фактом» [Morgentau H., 1993: 38]. Упоминавшийся П. Кеннеди подметил такую закономерность: соперничество между великими державами перерастало в войны, когда неравномерные темпы роста производительных сил приводили к резкому изменению баланса сил между ними. Результаты этих войн отражали экономические сдвиги, которые накапливались в течение длительного времени. Политолог К. Уолтц обращает внимание на то, что великие державы оказывают решающее влияние на формирование структуры

международных отношений, располагая наибольшими возможностями для решения проблем и концентрируя у себя основной силовой потенциал, который существует в мире [Waltz K., 1979: 162, 168].

Теория международных отношений определяет соперничество между государствами как усилия, направленные на получение преимуществ над соперниками в борьбе за власть, безопасность, материальные выгоды, влияние и статус. Борьбе великих держав в XVIII–XX веках посвящено немало исследований историков и политологов. Новый всплеск интереса к этой теме вызван нарастающим противоборством США с Россией и Китаем, которое во многом определит расстановку сил в XXI веке.

Соперничество является одной из форм межгосударственного взаимодействия. Оно возникает при столкновении интересов государств. Это явление встречается и между союзниками в виде торговой конкуренции на международных рынках и даже в территориальных спорах. В зависимости от остроты межгосударственных противоречий соперничество проявляется в разных формах – как конкуренция, противоборство, конфронтация, военный конфликт, война. В отношениях между ведущими державами оно может вызывать последствия, которые выходят далеко за рамки взаимоотношений непосредственно вовлечённых сторон. Американский политолог Х. Брандс напоминает, что на протяжении многих веков «с Пелопоннесской войны до холодной войны соперничество великих держав определяло мировой порядок» [Brands H., 2022: 1]. В наши дни это явление приобретает новые грани в результате кардинальных изменений в различных сферах – политике, экономике, технологиях, военном деле, что делает актуальным его осмысление с позиций сегодняшнего дня. В современном американском политическом дискурсе, когда речь идёт о соперничестве великих держав, подразумевается борьба США одновременно с Россией и Китаем.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ США ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В первые два десятилетия после окончания холодной войны главными заявленными целями стратегии США были утверждение «нового миропорядка» и борьба с международным терроризмом. Несмотря на декларации о наступлении «постконфронтационной эпохи» в отношениях с бывшими противниками, США продолжали поддерживать на высоком уровне свой военно-силовой потенциал, рассматривая его как основу для проецирования американского влияния в мире. Претендуя на верховенство в международных делах, Вашингтон принимал меры, чтобы предотвратить появление потенциальных конкурентов, о чём свидетельствовал проект «Директивы по военному планированию на 1994–1999 годы», подготовленный в Минобороны США. Документ был пронизан идеей утверждения американской гегемонии. Он основывался на представлении, что наибольшую угрозу для США может представлять возвращение соперничества с великими державами [1]. Хотя советник президента по национальной без-

опасности Б. Скоукрофт не поддержал проект как слишком амбициозный, посыл этого документа в пользу поддержания подавляющего военного превосходства над потенциальными конкурентами отражал умонастроения военного руководства США. В Минобороны полагали, что необходимо подготовиться к отражению следующей «большой угрозы», которую может представлять для Соединённых Штатов какая-либо из крупных держав.

В середине 1990-х годов США приняли принципиальное решение о расширении НАТО на Восточную Европу, чтобы исключить на будущее любую возможность геополитического доминирования в регионе России и Германии. Такой выбор Вашингтона в немалой степени был связан с возникновением серьёзных противоречий между РФ и США по ситуации на Балканах, где происходил распад Югославии. Российские и американские интересы конфликтовали и на постсоветском пространстве, где Вашингтон всячески поощрял дезинтеграционные процессы в отношениях между бывшими республиками СССР.

В годы правления У. Клинтона специальная рабочая группа под руководством советника президента по национальной безопасности Э. Лейка занималась разработкой стратегии для наступившей эпохи «американской однополярности». Эта стратегия предусматривала расширение сообщества либеральных демократий, вестернизацию России и Китая посредством внедрения рыночной экономики и западной политической модели. Она предполагала встраивание РФ и КНР в американоцентричный миропорядок. Администрация У. Клинтона была увлечена идеей геоэкономической экспансии США, которая реализовывалась под флагом глобализации.

Главной угрозой для интересов национальной безопасности был объявлен терроризм. В мае 1998 года У. Клинтон подписал президентскую директиву 62 (*PDD-62*), которая считается первой всеобъемлющей антитеррористической стратегией Соединённых Штатов. Террористические атаки 11 сентября 2001 года на Вашингтон и Нью-Йорк явились этапным событием в эволюции американской стратегии. Администрация Дж. Буша-младшего сделала ставку на использование военной силы и формирование «коалиции желающих» из союзников и партнёров в поддержку своего решения о вторжении в Афганистан. В сентябре 2002 года она одобрила стратегию национальной безопасности, которая провозглашала право США на нанесение превентивного удара по странам, где террористические силы могут представлять угрозу для интересов США. Хотя тема соперничества великих держав в документе не фигурировала, тем не менее, она нашла отражение в некоторых его положениях, в частности там, где говорилось, что «американские вооружённые силы будут достаточно сильны, чтобы убедить потенциальных противников отказаться от наращивания военной силы в надежде превзойти или сравняться с мощностью Соединённых Штатов» [2].

Курс администрации Дж. Буша-младшего на скорейшее втягивание Украины и Грузии в НАТО указывал на то, что мотивы геополитического соперничества явно преобладали в американской стратегии, хотя публично Вашингтон

об этом тогда не заявлял. «Разворот на Азию», который был объявлен президентом Б. Обамой в 2010 году, а затем по-новому сформулирован как «перебалансировка», обозначил долгосрочную тенденцию в смене региональных приоритетов США. Под терминологическими манипуляциями скрывалась идея перенастройки американской стратегии – постепенного выхода из «бесконечных» войн на Ближнем Востоке и концентрации усилий на сдерживании Китая, растущий потенциал которого менял региональный баланс сил. Сокращение американских войск в Ираке и Афганистане высвобождало силы и ресурсы, которые могли быть переброшены в Азиатско-Тихоокеанский регион. По оценке американских аналитиков, этот замысел не был реализован в полном объеме – предпринятые меры носили половинчатый и непоследовательный характер. Сказывалась инерция прежних американских подходов, которые были сфокусированы на Ближнем Востоке.

В годы президентства Д. Трампа противоборство с Россией и Китаем приобрело системный характер. Для правящей элиты США стало очевидно, что эти две державы – главные силы в мире, которые формируют альтернативу американоцентричному миропорядку. Администрация Д. Трампа, по замечанию аналитика Н. Шэдлоу, начала приспособливать США к новым геополитическим реалиям, воспринимая «мир как конкурентную среду, где соперничество между великими державами движет международной политикой. Эти постулаты во многом продолжают определять политику американского правительства сегодня» [3]. Курс администрации Дж. Байдена на разрушение России привёл российско-американские отношения к балансированию на грани прямого военного столкновения двух держав.

Победа Д. Трампа на президентских выборах 2024 года даёт основание предположить, что идеей противоборства не будет исчерпываться подход США к отношениям с Россией при новой администрации, учитывая отсутствие у американского лидера идеологической предвзятости и русофобской одержимости, характерной для неолибералов, а также его открытость к рациональным доводам.

СМЕНА ДОКТРИНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК: НАСТУПЛЕНИЕ ЭПОХИ СОПЕРНИЧЕСТВА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

На протяжении долгого времени после окончания холодной войны архитекторы американской стратегии видели свою задачу в том, чтобы совместить соперничество и позитивное взаимодействие с Россией и Китаем. В первые два десятилетия партнёрство с Москвой и Пекином считалось в Вашингтоне полезным активом благодаря совместной борьбе с международным терроризмом и сотрудничеству в решении глобальных проблем. Однако в последующие годы, когда геополитические противоречия с РФ и КНР стали всё явственнее проявляться, в США возобладал конфронтационный подход. С президентства Б. Оба-

мы началось смещение фокуса американской стратегии с Ближнего Востока на соперничество с Россией и Китаем.

Не должно вводить в заблуждение то, что в первые два десятилетия после окончания холодной войны тема соперничества великих держав не фигурировала в *публичных* материалах администраций США по национальной безопасности. В стратегии 2002 года упоминалось о «мирном соревновании великих держав», находящихся по одну сторону баррикад в борьбе с терроризмом [2]. Однако несколько волн расширения НАТО на Восточную Европу в 1990–2000-е годы, как и формулировка натовского саммита 2008 года о будущем Украины и Грузии в составе альянса, были продиктованы мотивами геополитической конкуренции с Россией.

В Стратегии национальной безопасности 2017 года тема соперничества великих держав была сформулирована уже в терминах холодной войны: Россия и Китай представлены в ней как главные противники американоцентричного миропорядка. Этот документ ознаменовал разрыв многолетнего консенсуса демократов и республиканцев в поддержку взаимодействия с Китаем и переход к открытому противоборству с китайской державой. Изменение стратегии означало, что взяла верх точка зрения ястребиного крыла в американском политико-академическом сообществе, которое критиковало сторонников умеренного подхода типа Г. Киссинджера, выступавшего с позиции «реалистской теории» в отношении КНР. Обнародованная в 2018 году Стратегия национальной обороны (*National Defense Strategy 2018*) постулировала, что самым большим вызовом для безопасности и процветания США является «возрождение долгосрочного стратегического соперничества» с ревизионистскими державами [4]. В ней были определены задачи Минобороны США в противоборстве с РФ и КНР. Эти доктринальные сдвиги обозначили переход Вашингтона к конфронтационной модели отношений с Москвой и Пекином.

Появление тезиса о соперничестве великих держав в американских официальных документах обозначило водораздел между периодом «американской однопolarityности», который продолжался около четверти века после окончания холодной войны, и наступившей эпохой системного противоборства США с Россией и Китаем. Ревизия американских стратегических установок была реакцией на укрепление военных потенциалов и возрастание внешнеполитической активности России и Китая, которые встали на путь решительного отстаивания своих интересов в международных делах. Действия РФ по восстановлению утраченных позиций на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке (военная помощь правительству Сирии), расширение международного влияния Китая были восприняты Вашингтоном как вызов американской гегемонии. Тезис о соперничестве великих держав появился в стратегии национальной безопасности США неслучайно: требовалось обосновать перераспределение ресурсов между военными программами – одно дело сценарии конфликтов с Ираком, Ираном, Афганистаном и совсем другое дело, когда в качестве потенциальных противников рассматриваются Россия и Китай.

Стратегия национальной безопасности, которую президент Дж. Байден утвердил в 2022 году, вывела конфронтацию с РФ и КНР на новый уровень. Хотя Россия упоминается в этом документе чаще, но именно Китай характеризуется как самый серьёзный геополитический вызов для США [5]. Документ констатирует повышение риска прямого военного конфликта с великими державами. Стратегия предполагает поддержание превосходства США в соперничестве с Китаем одновременно со сдерживанием России. Хотя она допускает сотрудничество с соперниками, когда это соответствует американским интересам, например, в сфере контроля над вооружениями и в предотвращении военных инцидентов, конфронтационный подход США оставляет всё меньше возможностей для позитивного взаимодействия с Москвой и Пекином.

В ежегодном докладе об оценке угроз, представленном Конгрессу директором Национальной разведки А. Хейнсом в марте 2024 года, констатируется *ускорение динамики соперничества между ведущими державами мира*. В документе отмечается, что Россия не ищет прямого военного столкновения с США и НАТО, но Вашингтон тревожит рост производства российской оборонной промышленности, который позволяет вооружённым силам РФ «вести продолжительные военные действия высокой интенсивности» [6].

Как тревожную тенденцию США рассматривают укрепление оборонного сотрудничества России, Китая, Ирана и КНДР, что нашло отражение на слушаниях в специальном комитете Сената по разведке в марте 2024 года, где обсуждалось взаимодействие «антигегемонистской четвёрки» [7]. Западные аналитики расходятся в оценке масштабов сотрудничества этих государств. Руководитель американского разведсообщества А. Хейнс, ссылаясь на анализ российско-китайских военных учений, утверждал, что в вопросе оперативной совместимости вооружённых сил РФ и КНР наблюдается лишь незначительный прогресс [6]. Однако эксперты Д. Баймэн и С. Джоунс из Центра международных и стратегических исследований (Вашингтон) полагают, что укрепление сотрудничества России, Китая, Ирана и КНДР в сфере безопасности будет создавать всё больше проблем для США и американских союзников, даже если это не будет классический военный альянс государств: «четвёрка» может договориться о таких совместных мерах, как поставки вооружений, обмен разведанными, предоставление экономической помощи и других формах взаимной поддержки без формализации союзнического статуса [Byman D., Jones S., 2024: 29–50].

В американской концепции взаимоотношений великих держав важнейшая роль отводится вооружённым силам. Вклад армии США в реализацию стратегии военного соперничества определяется как «совокупность действий и операций, совершаемых для достижения политических целей, а также для того, чтобы лишить противников способности добиваться целей, наносящих ущерб Соединённым Штатам» [8]. Эти действия направлены на создание условий, позволяющих добиться успеха как на доконфликтной стадии, так в ходе самого вооружённого конфликта. В ситуации прямого военного противостояния перед американскими вооружёнными силами ставится задача обеспечить превосходство на каждой

ступени эскалации, предоставляя политическому руководству США выбор вариантов решений по всему спектру интенсивности военно-силового столкновения с противником. Если соперничество ведётся на уровне ниже кризисного порога – когда стратегически важные интересы Соединённых Штатов не вступают в конфликт с интересами противостоящей стороны, – «целью вооружённых сил является создание для США рычагов воздействия на противника и воспрепятствование его аналогичным усилиям» [8]. Ярким примером такого вида соперничества является разносторонняя американская военная помощь Украине в конфликте с Россией.

В противостоянии с великими державами США рассматривают свою систему военных альянсов как ценный стратегический актив: они связаны договорами о коллективной обороне с 54 государствами. В общей сложности соглашения о военном сотрудничестве Вашингтон заключил почти с 70 странами. Эти договорённости позволяют Соединённым Штатам поддерживать обширную сеть военных баз за рубежом, которую они считают своим важным преимуществом в соперничестве с Россией и Китаем. Вновь избранный президент Д. Трамп выступает за то, чтобы переложить на европейских союзников основное бремя по финансированию пребывания на их территории американских войск. США сами определяют, какие силы и в каком объёме развёртывать в том или ином регионе: здесь ключевую роль играют не союзнические обязательства, а оценка американским руководством потенциальных конфликтов с наиболее вероятными противниками.

Структура военного присутствия США за рубежом указывает на то, что Евразия, где сосредоточены основные людские, природные и экономические ресурсы мира, является главным объектом гегемонии Вашингтона. Бесспорными лидерами по размещению американских военных сил являются Германия и Япония: в каждой из этих стран находится около 120 постоянных баз и транзитных пунктов вооружённых сил США. Минобороны не приводит точных данных по военным базам за рубежом, с 2019 года не предоставляет Конгрессу ежегодный доклад по этому вопросу (*Base Structure Report*). Ранее обнародованные доклады военного ведомства содержали неполные и неточные сведения. Возможно, это является сознательной уловкой Минобороны, но некоторые американские аналитики подозревают, что министерство само не владеет полной информацией по данному вопросу.

Согласно подсчётам западных экспертов, США располагают за рубежом примерно 750–800 военными базами постоянного присутствия, транзитными пунктами и объектами примерно в 80 странах и на заморских территориях, включая такие экзотические места, как Аруба, острова Асенсьон и Уэйк, Самоа, атолл Джонстон, Палау. По мнению некоторых американских аналитиков, у США избыточно много оборонных обязательств за рубежом, что ложится тяжёлым бременем на военный бюджет. Согласно расчётам Дж. Элли (Университет Вирджинии) и М. Фюрманна (Университет Техаса), военный альянс с каждым из союзников обходится американской казне в 11–22 млрд долл. в год [Alley J.,

Fuhrmann M., 2021: 682]. Достоверность этих калькуляций вызывает сомнение у оппонентов, но многие эксперты сходятся в том, что ежегодные расходы на эти цели составляют внушительную сумму.

После окончания холодной войны споры по вопросу о сокращении военного присутствия за рубежом разгорались в США неоднократно в ходе обсуждения предложений об оптимизации оборонных расходов, но никаких реальных шагов в этом направлении Вашингтон не предпринимал: сказывалась инерция мышления и лоббистская активность военного ведомства. Победа Д. Трампа на президентских выборах 2024 года даёт основание предполагать, что в этом вопросе могут последовать реальные сдвиги. Выбор кандидатуры телеведущего «Фокс Ньюс» (*Fox News*) П. Хегсета на пост министра обороны свидетельствует о том, что 47-ой президент США не намерен терпеть повторения саботажа его указаний со стороны военного руководства. В первое президентство Д. Трампа Минобороны игнорировало его распоряжения о выводе американских войск из Сирии и сокращении военных сил в Германии. П. Хегсет имеет за плечами 10-летний опыт службы в горячих точках как офицер Национальной гвардии и известен своей резкой критикой в отношении бюрократической военной верхушки.

ДИСКУССИЯ В США ВОКРУГ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последние годы в американском политико-экспертном сообществе развернулась дискуссия между сторонниками сохранения глобального доминирования США и теми, кто предлагает сократить масштабы американской вовлечённости в мировые дела. У этих двух лагерей разное представление о том, что можно считать приемлемым результатом в соперничестве с Россией и Китаем. Для первого он ассоциируется с ограничением влияния РФ и КНР в международной политике, в том числе в отношениях с соседними странами на постсоветском пространстве и в Юго-Восточной Азии. Для второго – это предотвращение прямого военного конфликта США с великими державами.

Очевидно размежевание между теми, кто считает главным приоритетом всестороннее сдерживание Китая, требующее от США максимум усилий, и теми, кто предлагает альтернативную стратегию, которая предполагает более-менее равномерное распределение сил и ресурсов для противодействия России в Европе и КНР – в Индо-Тихоокеанском регионе. Выбор одного из этих вариантов влечёт существенные последствия для военно-политической стратегии США, военного планирования, военно-технических программ и американского бюджета.

По признанию представителей американского военного руководства, в частности адмирала М. Гилдея, ещё недавно занимавшего пост начальника Главного штаба ВМС, вооружённые силы США не готовы к ведению двух крупномасштабных военных конфликтов одновременно. Об этом он заявил на слушаниях в сенатском комитете по делам вооружённых сил в мае 2022 года. По признанию М. Гилдея, «глобальное соперничество нарастает», в то время как приоритетные

потребности ВМС недофинансируются в размере 4 млрд долл. в годовом исчислении [9]. Стратегия национальной обороны, утверждённая Дж. Байденом в 2022 году, предписывает обеспечить готовность ВС к ведению одной масштабной войны (в качестве возможного сценария обычно приводится гипотетический конфликт высокой интенсивности США с Китаем из-за Тайваня) и сдерживанию противника во втором военном конфликте (например, в случае столкновения с Россией в Балтийском регионе).

По мнению Н. Шэдлоу, которая занимала должность заместителя советника президента Д. Трампа по национальной безопасности, интенсификация соперничества великих держав требует стратегии обеспечения превосходства (*overmatch strategy*) – наращивания оборонного потенциала до уровня, который позволит США добиться безоговорочной победы в случае военного конфликта с любым противником – будь то Россия, Китай или другая страна. В более широком смысле Соединённые Штаты, по её словам, «должны стремиться сохранить и развить значительные преимущества над своими противниками в военной силе, политическом влиянии и экономической мощи» [3]. Смысл её рекомендаций сводится к тому, чтобы повторить опыт США периода президентства Р. Рейгана, когда была развёрнута масштабная программа «перевооружения Америки», которая предусматривала создание систем стратегических вооружений нового поколения. Мнение Н. Шэдлоу тем более примечательно, что в 2017 году она была привлечена советником президента по национальной безопасности Г. Макмастером для разработки стратегии первой администрации Д. Трампа. Одобренный в итоге документ основывался на её тезисе о развёртывании соперничества США с великими державами и подавлении региональных противников.

Тема отношений с Россией и Китаем косвенно затрагивалась в ходе президентской кампании 2024 года в США, в том числе в теледебатах Д. Трампа с Дж. Байденом 27 июня и К. Харрис – 10 сентября. Она нашла отражение в программе вновь избранного президента, которая была одобрена на съезде республиканцев 15 июля 2024 года. Программа содержит перечень жёстких антикитайских мер: лишение КНР статуса страны наибольшего благоприятствования в торговле с США, постепенное свёртывание импорта критически важных товаров из Китая, блокирование экспансии китайских инвестиций путём введения запрета на продажу Китаю недвижимого имущества и промышленных объектов в Соединённых Штатах [10]. Программа республиканцев отражает интересы промышленных кругов, чьи интересы страдают в конкуренции с китайскими производителями. Д. Трамп ставит целью закрепить за США статус промышленной сверхдержавы мира, сделать страну доминирующей силой в мировой энергетике, сняв ограничения с производства углеводородного сырья. Перечень его предвыборных обещаний включает в себя динамичное развитие оборонной промышленности, предотвращение третьей мировой войны, восстановление мира в Европе, сохранение доллара как мировой резервной валюты.

В американских политико-академических кругах прорабатываются различные варианты национальной стратегии, которые призваны учесть совре-

менные реалии. Одно из направлений этих поисков можно обозначить как формулирование стратегии «разумного самоограничения» США. Политологи Ч. Купчан, Дж. Миршаймер, М. Мандельбаум, С. Уолт, С. Вертхейм, Б. Позен и А. Басевич предлагают концепции, в основе которых лежит идея сокращения американских обязательств на второстепенных направлениях ради сосредоточения сил для противодействия угрозам в стратегически значимых регионах мира – в Европе и Восточной Азии. Важными пунктами в предложениях экспертов являются привлечение максимального объёма средств и ресурсов союзников и партнёров для решения общих задач, а также отказ США от таких целей, как «экспорт демократии», смена режимов, продвижение западных либеральных ценностей и т. д., которые не связаны непосредственно с национальной безопасностью. Стратегия «самоограничения» во многом совпадает с воззрениями Д. Трампа, который призывает избавить страну от излишнего бремени внешних обязательств. Его подход восходит к унилатералистским традициям, которых Соединённые Штаты придерживались в своей политике до Второй мировой войны, избегая вступать в альянсы с другими странами (единственным исключением был военный пакт с Францией, который просуществовал с 1778 года по 1800-й год).

Однако значительная часть американского истеблишмента не готова смириться с уменьшением возможностей Соединённых Штатов влиять на мировые события. Против сокращения американского участия в международных делах выступают сторонники «либерального интервенционизма» и идеологи американской гегемонии, такие как Р. Кейган и Дж. Болтон. Они подстрекали администрацию Дж. Байдена к проведению жёсткой политики с позиции силы, утверждая, что для США лучше сейчас пойти на риск конфронтации с Россией и Китаем, чем потом, когда эти страны значительно укрепятся за счёт новых приобретений [Kagan R., 2022: 19].

Сторонники концепции американского доминирования, в частности У. Уолфорт и С. Брукс, полагают, что накопленный военно-технический потенциал позволяет США рассчитывать на сохранение отрыва от Китая по ключевым параметрам военной силы и на продолжение «американской однополярности» в течение продолжительного времени [Brooks S., Wohlforth W., 2016: 36]. К критериям, по которым предлагается оценивать китайское отставание от американского уровня в сфере вооружений, эти эксперты относят отсутствующие у КНР технологии по серийному производству реактивных авиадвигателей нового поколения, созданию малошумных ядерных подводных ракетносцев и информационных систем управления боевыми действиями в глобальном масштабе.

По мнению американских аналитиков, достижение Китаем паритета с США по макроэкономическим показателям без создания сопоставимого технологического потенциала не придаст ему статус второй сверхдержавы. Однако не существует проверенных методик, чтобы точно измерить, насколько велик разрыв между США и КНР, и с какой скоростью он может сокращаться – чисто статистические сравнения не отражают важных нюансов. Следует с осторожностью

относиться к выводам, которые строятся на основе сопоставления макропоказателей, таких как ВВП. Просчёты США в оценке устойчивости российской экономики в условиях массивного санкционного давления Запада во многом связаны с тем, что они слишком полагались на своё превосходство по формальным экономическим показателям.

Дискуссия по стратегии национальной безопасности свидетельствует о распаде долго существовавшего двухпартийного консенсуса в поддержку «либерального интервенционизма». Однако значительная часть правящей элиты не готова смириться с закатом американской гегемонии в международной политике. Сегодня идея активного вмешательства США в события за рубежом подвергается ревизии в консервативных кругах, которые объединились вокруг Д. Трампа, предлагающего иную форму американского лидерства – с опорой на всемерное укрепление внутреннего экономического потенциала страны. Для 47-го президента соперничество Соединённых Штатов с Россией и Китаем является неизбежным и существенным элементом американской стратегии. Однако, в отличие от демократов, он не видит преимуществ в эскалации конфронтации с великими державами, полагая, что подобный курс только укрепляет партнёрство Москвы и Пекина. Д. Трамп скорее будет делать ставку на отрыв РФ от КНР, предлагая российской стороне те или иные решения по украинской проблеме в обмен на шаги, которые могут вызвать трения в российско-китайских отношениях. В любом случае он будет встречать сильное противодействие своим инициативам со стороны тех сил в госаппарате и истеблишменте, которые разделяют взгляды либеральной оппозиции, в принципе отвергающей любые договорённости с Россией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глубокие изменения, которые происходят в мире, находят отражение в американских дебатах о характере и масштабах участия США в международных делах. Разногласия по этому вопросу приобретали острый политический характер в переломные моменты американской истории. Сегодня республиканцев-трампистов и демократов разделяют существенные разногласия в определении приоритетов национальной стратегии и путей её практической реализации.

Как свидетельствуют недавно рассекреченные документы из американских архивов, Соединённые Штаты, несмотря на эйфорию от неожиданно успешного завершения холодной войны, не собирались отказываться от планов подготовки к противодействию тем, кто по объективным параметрам мог в будущем конкурировать с ними за влияние в мире. Откровенное игнорирование мнения России при разрешении конфликтов на Балканах в 1990-е годы, особенно при нанесении военных ударов НАТО по Югославии, как и несколько раундов расширения атлантического альянса на Восточную Европу означали возобновление геополитического наступления Запада на интересы РФ. Сотрудничество Москвы и

Вашингтона в войне с террористическими группировками на Ближнем Востоке в течение какого-то времени затмевало собой подспудное нарастание российско-американских противоречий.

Сегодня в США идут горячие споры о самоидентификации американской державы в новую политическую эпоху формирующейся многополярности. Соединённые Штаты сталкиваются с дисбалансом между заявленными целями и возможностями для их реализации, о чём свидетельствуют поспешный уход американских войск из Афганистана в августе 2021 года, сорвавшиеся попытки по смене режима в Венесуэле и изоляции Ирана на Ближнем Востоке, провалы политики в других регионах мира.

Стратегия национальной безопасности, которую обязан представлять Конгрессу каждый вновь избранный президент США, отражает его видение картины мира и то, как он собирается отстаивать интересы страны в международных делах. Соединённые Штаты рассматривают вооружённый конфликт как один из способов достижения требуемого результата, когда это не влечёт риск получения неприемлемого ущерба. Современная американская стратегия исходит из многообразия форм соперничества великих держав. Это соперничество проникает в «серые зоны», где нет прямого действия норм международного права. Подрывные акции и другие виды скрытого воздействия государства применяли друг против друга с давних времён, но в последнее десятилетие это явление Запад стал называть гибридной войной и выпячивать как некий новый вызов со стороны России, чтобы обосновать своё право на нетрадиционные методы борьбы с ней.

Предвыборная риторика Д. Трампа о сокращении бремени внешних обязательств США не означает, что новая администрация собирается демонтировать механизмы американского военного присутствия за рубежом. Речь идёт об оптимизации затрат и перераспределении ресурсов с акцентом на повышении вклада союзников в обеспечение своей безопасности. Независимо от того, смогут ли либералы и консерваторы выработать новый консенсус по внешней политике, соперничество с Россией и Китаем будет во многом определять содержание стратегии США в международных делах. Однако интенсивность этого противоборства, как и возможности для взаимоприемлемых договорённостей между Москвой и Вашингтоном зависят не только от решений новой администрации Д. Трампа, но и от того, насколько она сможет отстоять выбранный курс в борьбе с политической оппозицией, которая опирается на своих многочисленных сторонников в госаппарате и на значительные финансовые, организационные и медийные ресурсы.

ИСТОЧНИКИ

1. Defense planning Guidance, FY 1994-1999. Available at: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (accessed 11.08.2024).

2. The National Security Strategy of the United States of America. The White House, September 2002. Available at: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2002.pdf> (accessed 10.10.2024).

3. Schadlow, N. How America Can Regain Its Edge in Great-Power Competition. *Foreign Affairs* (online), October 9, 2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/how-america-can-regain-its-edge-great-power-competition> (accessed 10.11.2024).

4. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America, 2018. Available at: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 09.09.2024).

5. National Security Strategy. The White House, October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 01.10.2024).

6. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. February 5, 2024. Available at: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2024-Unclassified-Report.pdf> (accessed 01.09.2024).

7. Rubio Delivers Opening Remarks at Worldwide Threats Hearing. March 11, 2024. Available at: <https://www.rubio.senate.gov/rubio-delivers-opening-remarks-at-worldwide-threats-hearing-2> (accessed 24.10.2024).

8. The Army in Military Competition. Chief of Staff Paper #2. Headquarters, Department of the Army. 1 March 2021. Available at: <https://api.army.mil/e2/c/downloads/2021/03/29/bf6c30e6/csa-paper-2-the-army-in-military-competition.pdf> (accessed 06.10.2024).

9. Hearing to receive testimony on the posture of the Department of the Navy in review of the defense authorization request for fiscal year 2023 and the future years defense program. Committee on Armed Services, U.S. Senate. May 12, 2022. Washington, D.C. Available at: <https://www.armed-services.senate.gov/download/transcript-05/12/2022> (accessed 14.10.2024).

10. 2024 GOP Platform. Make America Great Again! Available at: <https://prod-static.gop.com/media/RNC2024-Platform.pdf> (accessed 10.10.2024).

REFERENCES

Alley, J., Fuhrmann, M. Budget Breaker? The Financial Cost of US Military Alliances. *Security Studies*. October-December 2021. Vol. 30. № 5. P. 661–690.

Brands, H. *The Twilight Struggle: What the Cold War Teaches Us About Great Power Rivalry Today*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2022. P. X, 320.

Brooks, S., Wohlforth, W. The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-first Century. *International Security*. 2016. Vol. 40. № 3. P. 7–53.

Byman, D. Jones, S. Legion of Doom? China, Russia, Iran and North Korea. *Survival*. 2024. Vol. 66. № 4. P. 29–50.

Kagan, R. The Price of Hegemony. *Foreign Affairs*. May-June 2022. Vol. 101. No. 3. P. 10–19.

Kennedy, P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House, Inc., 1987. P. xxv, 677.

Morgenthau, H. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. Sixth Edition. New York: Alfred A. Knopf, 1993. P. x, 659.

Waltz, K. *Theory of International Politics*. Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 251.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Oleg V. PRIKHODKO, Candidate of Sciences (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024 / Received 14.11.2024.

Статья поступила после рецензирования 27.11.2024 / Revised 27.11.2024.

Статья принята к публикации 28.11.2024 / Accepted 28.11.2024.